

Всё его внимание на самом деле было приковано к Цзян Нин. Попкорн они покупали вместе, и бóльшую его часть съел Цзян Нин. Лишь когда они опустели ведро больше чем наполовину, Суй Е заметил неладное:

— Ты нормально не ужинал?

— Днем аппетит был так себе, вот почти ничего и не съел...

Суй Е забрал у него ведро из-под попкорна:

— Забыл, что велел врач?

Затем Суй Е добавил:

— Как закончится сеанс, отведу тебя поесть чего-нибудь еще.

Цзян Нин улыбнулся и с застенчивой улыбкой кивнул Суй Е.

После киносеанса было уже за десять вечера, но на близлежащей улице ночного рынка по-прежнему шумно и оживленно. Суй Е еще до этого связался с людьми через текстовые сообщения и попросил одно из заведений продлить часы работы.

Цзян Нин, разумеется, ничего не знал о планах Суй Е, полагая, что им, двоим студентам, будет вполне достаточно перекусить на каком-нибудь уличном лотке возле университета.

— Давай поедим шашлычков! — предложил Цзян Нин.

Суй Е не колеблясь ни секунды согласился.

Уступая Цзян Нин, во время заказа он позволил тому самому выбрать напитки: Цзян Нин долго разглядывал витрину и в итоге остановился на слабоалкогольном напитке.

Заметив это, Суй Е уткнулся в телефон и написал личному врачу, дежурившему круглосуточно:

[Можно ли Цзян Нин сейчас употреблять алкоголь?]

Собеседник ответил незамедлительно:

[Ему сейчас не нужно соблюдать строгую диету, можно выпить немного.]

[Его железа повреждена, просто процесс восстановления затянется. Главное в этот период — не ставить Метку и следить, чтобы железа снова не пострадала.]

Получив ответ, Суй Е убрал телефон.

Поскольку Суй Е ошибочно решил, что Цзян Нин захотел выпить сам, он не стал его останавливать.

А Цзян Нин просто не заметил напечатанную сверху по-английски пометку, что напиток содержит алкоголь.

— Почему у меня немного кружится голова? — едва осушив бутылку, Цзян Нин начал жалобно хныкать.

Суй Е усмехнулся в ответ:

— Раз у тебя такая слабая голова, зачем тогда пил?

Лицо Цзян Нина покраснело, губы стали ярче и влажно блестели. Наклонив голову, он спросил Суй Е:

— Какой еще алкоголь? Я же пил лимонад...

Его сонный, растерянный вид делал его еще более прелестным и трогательным.

Взгляд Суй Е потемнел, и слова, уже вертевшиеся на языке, внезапно сменились другими:

— Вкусно?

От его низкого, хриплого голоса у Цзян Нина заложило уши и приятно защемило внутри, но он всё же непонимающе кивнул.

Тогда Суй Е попросил хозяина принести ему еще одну бутылку.

Глава 14. Цзян Нин, ты должен нести за меня ответственность

У Цзян Нина была крайне слабая устойчивость к алкоголю, а поскольку накануне он еще и плохо выспался, он клюнул носом и заснул прямо за столом, не успев допить вторую бутылку.

Из-за врожденной генетики большинство омег хрупкие и стройные, и Цзян Нин не был

исключением — Суй Е с легкостью поднял его одной рукой.

Цзян Нин не держался на ногах, уткнувшись лбом в грудь Суй Е. Он тяжело дышал, а выдыхаемый им горячий воздух пах легким фруктовым вином. Судя по всему, он опьянел впервые в жизни, чувствовал себя от этого скверно и время от времени издавал из глубины горла жалобное мычание.

Столь красивый и хрупкий омега, захмелевший посреди оживленного закусочного ряда под открытым небом, немедленно привлек всеобщее внимание окружающих их альф и бет.

Лицо Суй Е окаменело, и когда он встретился взглядом с зеваками, одного его исполненного предупреждения взгляда хватило, чтобы те тотчас отступили.

Он подхватил Цзян Нина на руки, а затем набросил на его голову и половину туловища собственную куртку.

С того самого момента, как он во второй раз протянул Цзян Нин бутылку, Суй Е вовсе не собирался отпускать его ночевать домой.

Он не стал отправлять Цзян Нина обратно в общежитие и не повез его в тот ветхий жилой комплекс, где тот ютился.

Поймав такси, Суй Е отвез его в ближайший пятизвездочный отель. Всё это время Цзян Нин жался к нему, бессознательно вцепившись пальцами в рубашку Суй Е.

Прижав к себе парня, Суй Е беспрепятственно поднялся на лифте в люкс на верхнем этаже. Стоило дверям лифта открыться, как Цзян Нин растерянно моргнул и попытался подняться, барахтаясь в его объятиях.

Суй Е поставил его на ноги, но Цзян Нин не удержал равновесие и, зашатавшись, едва не рухнул на пол.

— Суй Е... — тихо позвал он.

— Мм.

— В голове так кружится... Совсем нет сил... — Цзян Нин шмыгнул носом. У него покраснелись не только щеки, но даже мочки ушей и кончик носа.

Холодоватым голосом произнес Суй Е:

— Тогда иди сюда и обними меня.

Цзян Нин не просто испытывал к Суй Е легкую симпатию — он искренне считал его своим хорошим другом, и в сложившейся ситуации Суй Е оставался для него единственной опорой. Цзян Нин сам протянул к нему руки, и Суй Е без труда подхватил его. Они стояли лицом к лицу, и Цзян Нин обнимал его так, словно был маленьким ребенком.

Когда раздался тихий писк электронной карты, отпирающей дверь, Цзян Нин склонил голову набок и снова позвал его:

— Суй Е?

Суй Е остановился, думая, что Цзян Нин протрезвел. Он опустил взгляд на прижатую к его плечу голову и услышал с улыбкой произнесенные слова:

— А у тебя... сил-то полно.

Цзян Нин бережно опустил на постель. Прислушавшись к шуму воды из ванной, он мгновенно погрузился в тяжелый сон.

Суй Е набрал ванну, а когда вышел, увидел, что Цзян Нин лежит с закрытыми глазами, свернувшись калачиком. Его шея и щеки покрывались красивым розоватым румянцем.

С тех пор как Цзян Нин потерял память, не считая той ночи, когда он остался у него дома и Суй Е позволил себе дать волю чувствам, всё остальное время он терпел.

Подавленные желания, подобно рухнувшему зданию, накатили с яростной силой.

Он подошел ближе, его движения были резкими, а натиск — вовсе не мягким.

Цзян Нин всегда боялся холода, а после повреждения железы это стало еще заметнее. Поежившись от соприкосновения с прохладным воздухом, он сжался в комок, и Суй Е, чуть прибавив температуру в комнате, протянул руки, чтобы поднять его.

Суй Е сорвал с него пластырь для железы. Поскольку период течки еще не наступил, а блокаторы были введены вовремя, слабый аромат жасмина едва улавливался, стоило лишь приблизиться вплотную.

Даже находясь в полубессознательном состоянии, повинаясь инстинктам омеги, Цзян Нин начинал дрожать каждый раз, когда Суй Е приближался к его железе.

Суй Е не боялся, что сейчас тот придет в себя и догадается о его истинных намерениях, но опасался, что очнувшийся Цзян Нин снова устроит слезы и истерику, из-за чего может пострадать еще сильнее.

Этот отель принадлежал семье Суй, и пентхаус на верхнем этаже никогда не открывался для посторонних.

Раньше Цзян Нин упорно отказывался ехать к Суй Е домой, а Суй Е брезговал его тесной убогой конурой, поэтому время от времени привозил Цзян Нин сюда.

В гардеробной нашлось немного сменной одежды. Суй Е выдвинул ящик и наугад вытянул оттуда темно-синий галстук, завязав его на глазах Цзян Нин.

Он внес Цзян Нин в ванную и погрузился вместе с ним в воду.

При идеальной температуре воды Цзян Нин даже не сопротивлялся. Прижав его к себе, Суй Е наклонился и принялся к его железе.

Аромат жасмина постепенно заполнил ванную комнату. Суй Е принял блокаторы, так что рассудок его не затуманился, но от настойчивых ласк он всё же не удержался и низко склонил голову.

На железе Цзян Нин всё еще отчетливо виднелся шрам — след тяжелой травмы, полученной до потери памяти.

Суй Е прижался зубами к железу Цзян Нин, безумно желая впиться в нее, но слова врача проносились в голове словно киноплёнка, повторяясь снова и снова.

Железа Цзян Нин не до конца восстановилась, он не вынесет Метку...

Рассудок Суй Е всё еще оставался ясным, и в конце концов он лишь нежно коснулся губами этого шрама.

Однако от одного этого прикосновения тело Цзян Нин забило в дрожи. Сутя порывисто дыша, он чувствовал лишь то, что вокруг по-прежнему темно, даже когда он открывал глаза, и что что-то упирается ему в поясницу.

— Ужасно мешает!

Цзян Нин инстинктивно заерзал, пытаясь рукой сорвать повязку с глаз.

Но Суй Е без труда перехватил его запястья.

Будь то рост, физическая сила или заложенная природой разница между омегой и альфой — Цзян Нин не мог вырваться из его оков.

Смутно осознавая происходящее, Цзян Нин чувствовал лишь жуткий дискомфорт, и его слабые попытки сопротивляться стали еще чаще.

Суй Е издал раздраженное цыканье и легонько прикусил Цзян Нин за шею:

— Ты у меня совсем не слушаешься.

Цзян Нин казалось, будто он застрял в кошмаре, от которого невозможно проснуться. Когда Суй Е оставил на его коже след от зубов, Цзян Нин наконец выдавил:

— Нет...

Тихий плач сорвался с его губ, и всхлипывания эхом отозвались в сознании Суй Е.

Суй Е еще раз поцеловал его железу, после чего больше не удерживал его руки — наскоро искупав, он вынес его на руках.

Утонув в мягкой и уютной постели, Цзян Нин мгновенно провалился в глубокий сон.

Снимая с него галстук, Суй Е заметил, что ресницы омеги влажные, а веки покраснели.

— Ладно, — глядя на него сверху вниз, пробормотал Суй Е. — Сегодня мучить не буду, наверстаем в другой раз.

Когда на следующий день Цзян Нин проснулся, в комнате стоял полумрак. Открыв глаза, он еще добрых несколько секунд не мог сообразить, где находится.

<http://bllate.org/book/28158/3404921>